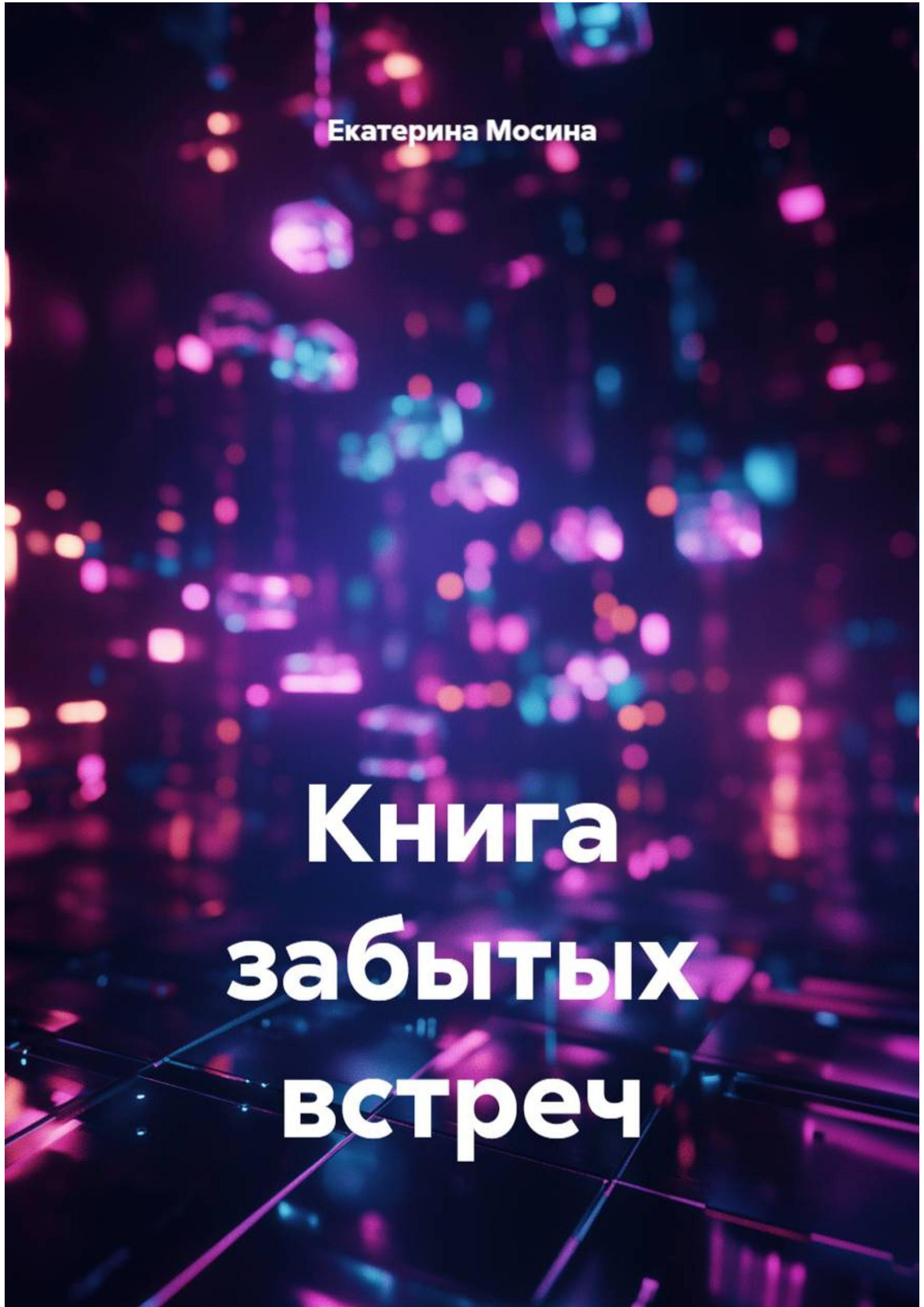

Екатерина Мосина

Книга забытых встреч

Екатерина Мосина

Книга забытых встреч

«Автор»

2026

Мосина Е. А.

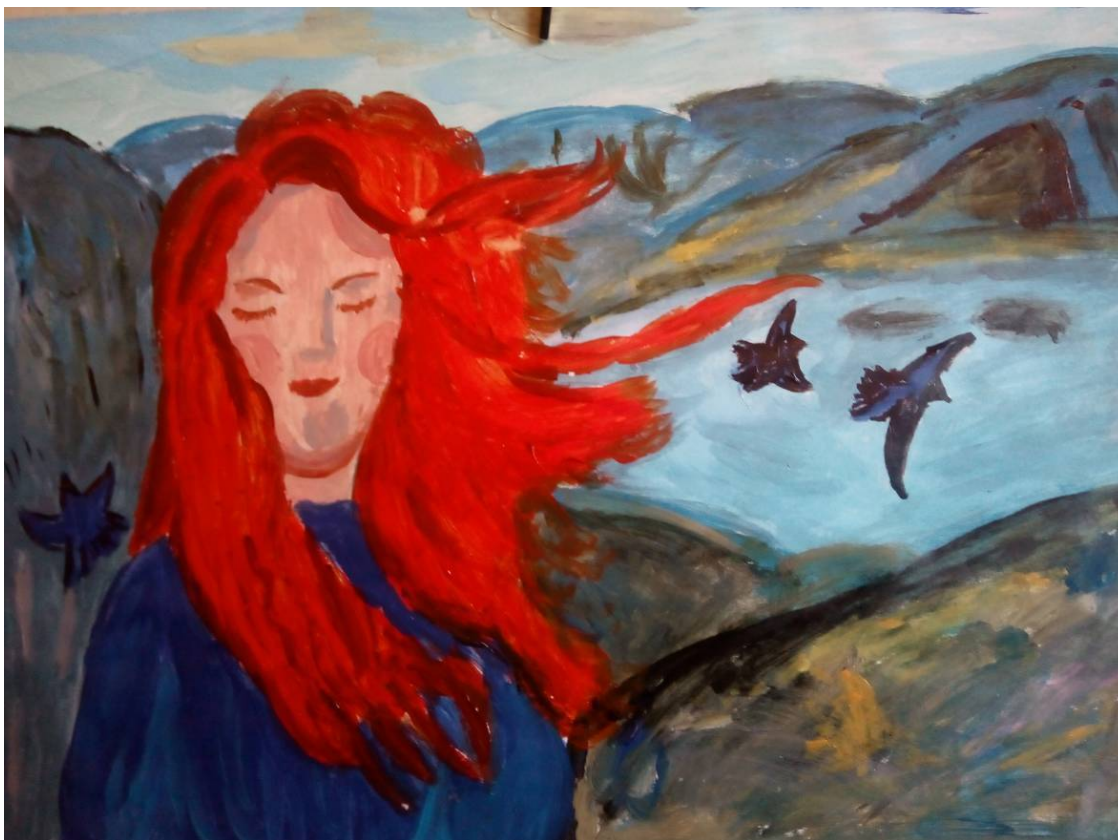
Книга забытых встреч / Е. А. Мосина — «Автор», 2026

«Бывают на свете такие встречи, которые случаются задолго до того, как мы открываем глаза. Имена — это всего лишь пароли, а родственные души всегда узнают друг друга даже в самой шумной толпе — особенно если толпа эта состоит из малышей группы дет/сада». Августюша и Жоржетта встретились, когда мир ещё состоял из мокрых варежек, пластилиновых червяков и строгих воспитательниц. Одна — тихая, как утренний снег, ищущая компромиссы и верящая, что «намасте» звучит убедительнее любого спора. Вторая — огненная, с громким голосом и характером, способным в одиночку разнести любую несправедливость в пух и прах. Они — две половинки одного небесного пазла, договорившиеся встретиться в этой жизни снова. Или не договорившиеся, а просто вспомнившие друг друга. «Книга забытых встреч» — это тёплый, ироничный и удивительно светлый роман о тех, кто всегда рядом, даже когда между ними целые годы. Для всех, кто верит, что настоящая дружба — это когда можно не досказывать фразы и всё равно всё понимать.

© Мосина Е. А., 2026

© Автор, 2026

Екатерина Мосина Книга забытых встреч

«Книга забытых встреч», или «Хроники Августы и Жоржетты»

«Давайте перенесем эту историю в слегка магический, уютный и немного чудаковатый мир, где дружба – это самое настоящее волшебство.» – от автора.

Глава 1. В которой свет включают раньше всех и разговаривают даже тени

Мир, как известно любому, кто в нем живет, делится на две неравные части. На тех, для кого детский сад начинается с гула голосов, запаха манной каши (обязательно с комками) и властного голоса воспитательницы Веры Петровны, произносящей: «Доброе утро, цветочки мои!». И на тех, для кого он начинается гораздо, гораздо раньше.

Августа принадлежала к этой редкой, почти исчезающей касте «приходящих до». её мама работала на молокозаводе, а папа был стармехом рыболовецкого судна, и их графики были странными, извилистыми, как тропинки в несуществующем лесу. Поэтому ровно в семь утра маленькая Августюша, держась за мамину руку, переступала порог детсада «Солнышко», и дежурный сторож дядя Миша, пахнувший махоркой и сном, щелкал выключателем в длинном коридоре.

Щелчок был гулким и одиноким. И вслед за ним загоралась одна-единственная лампочка где-то вдалеке, над дверью в группу «Чебурашка». Она была неяркой, матовой, как огромная монета. И от её света тени в коридоре не рассеивались, а лишь сгущались, становясь плотными, бархатными, почти осязаемыми. Тени от шкафов для верхней одежды превращались в темные ущелья, тень от вешалки – в молчаливого стража с раскинутыми руками.

Мама тихо целовала Августюшу в макушку, шептала: «Будь умницей», – и её шаги быстро удалялись, сливаясь со скрипом двери. И Августюша оставалась одна. Совершенно одна. Но не испуганная. Нет. Она чувствовала себя Хранителем. Хранителем этой тишины, этого пред-рассветного пространства, где всё было возможным. Она медленно, стараясь не нарушать хрустального звона тишины, шла по коридору. её ботиночки отстукивали тихий, четкий ритм: тук-тук, тук-тук. Это был её пароль, её заявление о присутствии.

Она подходила к тяжелой деревянной двери группы. За стеклом на двери был нарисован веселый жираф, но сейчас, в полумраке, его улыбка казалась загадочной, а широкие глаза – знающими всё и обо всех. Августюша нажимала на холодную железную ручку. Дверь, вздохнув, поддавалась.

И вот она – группа. Пустая, холодная, огромная. Игрушки спали в корзинах и на полках. Большой деревянный кубик с буквами стоял в углу, как молчаливый обелиск. Из открытой двери в спальню тянуло прохладой и запахом чистого, крахмального белья. Лампочка под потолком, та самая, которую включил дядя Миша, освещала только центр комнаты, оставляя углы погруженными в мягкий, глубокий мрак.

Августюша не боялась. Она снимала пальто и аккуратно вешала его на свой крючок с нарисованной ромашкой. Потом подходила к окну. За стеклом был ещё ночной, сине-фиолетовый мир. Фонарь во дворе освещал пустые качели, которые слегка покачивались от ветра, будто на них вот только что – кто-то катался.

Она садилась на маленький стульчик у окна, поджимала ноги и просто смотрела. Смотрела, как мир за окном потихоньку просыпается, как синева сменяется персиковой дымкой. Это было её священнодействие, её медитация.

Наш мир устроен просто: есть те, кто приходит в детский сад, когда он уже полон шума, запаха молочной каши и присутствием воспитательницы Веры Петровны. А есть те, кто приходит до. Когда в раздевалке ещё пахнет ночной сыростью и хлоркой, а в группе «Чебурашка» горит одна-единственная лампочка, отбрасывающая длинные, пугающие тени от игрушечных жирафов.

И вот, ровно в 7:02 (если бы у неё были часы, она бы в этом поклялась), снаружи раздавался другой звук. Не тихий, а уверенный. Твердые, быстрые шаги по коридору. Топ-топ-топ. Несгибаемый марш. Шаги не боялись разбудить тени. Шаги приказывали им расступиться.

Для большинства детей тени — просто отсутствие света. Для Августы и Жоржетты тени — живые существа: ущелья, стражи, рассказчики секретов. Волшебство доступно только тем, кто готов его увидеть. Тени «рассказывают секреты» не всем, а только тем, кто приходит раньше всех, кто умеет слушать тишину.

И ровно в 7:02, с разницей не более минуты, в дверях появлялась она – Жоржетта. Девочка, что боялись даже тени. Девочка, что умела слушать тишину и секреты теней. Девочка с двумя бантами-кулебяками, взглядом разведчика и характером, который в будущем вполне мог снести пару-тройку неправильно построенных вселенных. Щеки были раскраснены от утреннего морозца, а во взгляде, остром и быстром, как взмах смычка, читался немой вопрос: «Ну? Что тут происходит без меня?».

Они не здоровались. Они просто смотрели друг на друга. Августюша – с тихим, исследовательским интересом. Жоржетта – с оценивающим, почти начальственным прищуром. Слова в такие минуты были лишними и слишком громкими. Они просто смотрели друг на друга через пустоту комнаты.

«Жоржетта. Имя старинное, славянское. Означает наверняка нечто воинственное, например, „воин“!», – Августюша подумала про себя, хотя откуда она это знала, было неясно.

«Августюша. Смотрит, как будто всё знает. Но молчит. Интересно», – резюмировала про себя Жоржетта.

Так началась их служба Хранителями пустого пространства группы детского сада «Чебурашка». Пока другие спали, они вдвоём исследовали загадочный мир: почему пластилин пахнет именно так, куда на самом деле деваются носками с утятами из мозаики, и как тихо может быть в обычно грохочущем месте. Они не болтали без умолку. Однако, и молчать, находясь друг с другом рядом им тоже было достаточно, достаточно просто быть рядом. Это и было первым, самым важным чудом настоящего волшебства дружбы. Хотя что могли знать о дружбе две почти трёхлетки?!

Августюша посещали мысли при виде Жоржетты: «...эта девочка пахнет не сном и не молоком, а чем-то другим. Снегом? Мятной жвачкой, которую тайно жуют взрослые? Или просто энергией, чистой и необузданной, как ток в розетке.» Августюша увидела девочку, в пухлом синем комбинезоне, с двумя огромными белыми бантами на голове, которые торчали, как крылья у странной, решительной птицы. Это девочка была Жоржетта. Она сразу поняла, что что-то их связывает, что она увидела её уже не первый раз, что они будто давно-давно знакомы.

Жоржетта видела и думала: «...эта девочка сидит так спокойно, будто выросла из этого стульчика. У неё глаза цвета утреннего неба за окном – светлые, прозрачные, всевидящие. Она не улыбается, но в ней нет ни капли страха. Интересно!» Она тоже смутно, но по-разведчески определенно знала и чувствовала всей кожей, что она – Августа, ей как будто родная.

Жоржетта с грохотом, нарушающим все чары тишины безлюдного пространства группы «Чебурашка», скинула свои ботиночки на линолеум и натянула мягкие тапочки с медвежатами. Потом деловито подошла к полке с игрушками, не глядя на Августюшу, вытащила большого плюшевого волка, у которого одна пуговица-глаз болталась на нитке.

– Он сломан, – громко и четко заявила Жоржетта пространству. Её голос, первый человеческий голос этого дня в пустом пространстве группы детсада, прозвучал, как удар колокольчика.

– Его надо чинить. – продолжила она.

Августюша молча кивнула. Она не знала, как чинят волков, но мысль показалась правильной. «Порядок должен быть во всем.» - подумала она.

Жоржетта, волоча волка за лапу, подошла к окну и села на соседний стульчик. Не рядом вплотную, а на расстоянии вытянутой руки. Достаточно, чтобы чувствовать присутствие, но не нарушать личное пространство.

Они сидели так, как говорится, плечом к плечу, глядя в одно окно. Молча. Жоржетта сосредоточенно ковыряла пуговицу на волке. Августюша следила, как в окне напротив, в квартире третьего этажа, зажегся жёлтый квадрат кухни.

Никто из них не знал слов «родственная душа» или «кармическое расписание». Но в ту утреннюю синеву, в этой холодной, пустой комнате, между ними протянулась невидимая, прочная нить. Как провод, по которому вот-вот побежит ток. Он соединил щит и якорь, молчаливого наблюдателя и громогласного реформатора, таких двух разных девочек, непохожих ни характером, ни привычками – ничем.

Они ещё не были подругами, они и не знали ещё ответов на эти вопросы: «Как это – дружить?!», «Что такое эта дружба?!». Они просто две девочки почти трёхлетки. Однако, они уже стали союзницами. Союзницами против безлюдного утра, против скуки грядущего дня, против всего большого и непонятного мира в стенах и за стенами группы детсада «Чебурашка». Им не нужно было болтать. Им было достаточно того, что они ..., они – вот они. Двое. Первые. Самые ранние путники в наступающем дне.

Дружба – это не разговоры, а резонанс душ. Они ещё не знают слов «родственная душа» или «кармическое расписание», но чувствуют связь на уровне кожи, запаха, ритма шагов.

А за окном небо постепенно светлело, отдавая свой ночной фиолет взамен на нежно-розовый румянец. Скоро придут другие дети, Вера Петровна, каша и суeta. Но этот час – с семи

до восьми – навсегда останется только их. Августы и Жоржетты. Часом, когда свет включают раньше всех, а тени ещё могут рассказать самые интересные секреты.

Итак, немного о природе волшебства, возникающего в семь ноль две...

Если где-то во вселенной и ведётся реестр истинных чудес, то наверняка в нём есть особая категория: «Волшебство незаметного». Туда не попадают громовые раскаты, превращения тыкв в кареты и даже полёты на коврах-самолётах. Туда бережно заносят моменты, когда что-то *сдвигается*. Почти неслышно. Как стрелка на часах, которые ещё никому не принадлежат. И именно в этой категории, под номером «07:02», навсегда записана первая глава Августюши и Жоржетты.

Ведь что такое, в сущности, «слегка магический мир»? Это не мир, усыпанный конфетти из фей и говорящими ёжиками. Нет. Это мир, где сама материя – воздух в пустом коридоре, свет одинокой лампочки, холод линолеума под босыми ногами – все они становятся соучастниками. Тени здесь не просто отсутствие света. Они – бархатные суфлёры, нашептывающие правила игры, в которой пока только два игрока. Запах ночной хлорки – не просто запах уборки, а аромат «до». Аромат потенциала, чистого листа, на котором вот-вот проявятся первые, самые важные буквы.

А уют? Он рождается не из кружевных салфеток и пледов. Он рождается из геометрии дистанции. Стульчики стоят не вплотную, а на расстоянии вытянутой руки. Это священное расстояние – достаточно, чтобы не слиться в одно целое и задохнуться, и достаточно, чтобы протянуть руку и коснуться. Это пространство будущих секретов, будущих перешёптываний под одеялом во время тихого часа. Оно уже сейчас, в эту первую утреннюю вахту, обустраивается ими. Уют – это когда ты не один в пустоте, а двое против неё. И пустота сразу становится не такой пугающей, а скорее... просторной. Как чистый холст.

Дружба для двух трёхлеток предстаёт не как набор правил или совместных игр, а как первозданное волшебство – то, что возникает само по себе, без слов, без объяснений, почти без действий. И в этом чудная дивность этого момента. Чудная дивность же их зарева дружбы кроется в деталях. В бантах-«кулебяках», торчащих с серьёзностью антенн, принимающих сигналы из космоса детской непосредственности. В плюшевом волке с болтающимся глазом-пуговицей, который из сломанной игрушки моментально превращается в Первую общую миссию. В том, что девочка по имени Августюша, сидящая так тихо, будто слилась со стулом, мысленно даёт этимологии имени Жоржетта, будто бы она профессор древних языков, а не почти трёхлетний ребёнок. Чудная дивность – это нормальный способ восприятия мира, когда он ещё не оброс скучными ярлыками взрослых. Для них волка «*надо чинить*», потому что порядок – закон вселенной. А тишина – не отсутствие звука, а особая субстанция, которую можно слушать, как музыку. Они Хранители тишины! Настоящая магия начинается там, где заканчивается привычная структура. Там, где мир ещё не «включён» для всех, но уже оживает для избранных. Они избранные этим миром.

Августюша – Хранительница предрассветного пространства тишины. Её роль не в том, чтобы что-то делать, а в том, чтобы быть. Она не нарушает тишину, а поддерживает её, отстукивая ритм ботиночками — свой пароль присутствия.

Её медитативное созерцание у окна — это не просто ожидание. Это акт сопричастности миру. Она наблюдает, как сине-фиолетовый мир за окном превращается в персиковую дымку, и в этом наблюдении — ключ к пониманию магии дружбы этого мира на двоих трёхлеток: она не пытается изменить мир, а позволяет ему измениться рядом с ней.

Появление Жоржетты: энергия, которая меняет пространство!

Жоржетта — полная противоположность Августы. Если Августа — это щит, молчаливое присутствие, то Жоржетта — меч, действие, энергия. Её шаги не боятся теней, они приказывают им расступиться.

Но магия дружбы в том, что эти противоположности не конфликтуют, а дополняют друг друга:

Первая – Августа: даёт глубину, тишину, созерцание.

Вторая – Жоржетта: приносит действие, инициативу, решимость.

Их союз — это баланс между быть и делать, между наблюдать и менять.

И вот, в сердцевине этого магического, уютного и чудачьего мира, рождается главное заклинание – дружба. Но не как активное действие («давай дружить!»), а как состояние гравитации. Они, Августа и Жоржетта, – это две маленькие, но очень плотные планеты, случайно оказавшиеся на одной орбите вокруг общего светила под названием «Группа „Чебурашка“ до восьми утра». И между ними возникает притяжение. Необъяснимое, не требующее слов. Оно – в синхронности жития-бытия (ровно в 7:02!), в молчаливом признании друг в друге *союзника*.

Они ещё не знают слова «дружба». Они знают нечто более важное – фразу *«достаточно просто быть рядом»*. Это и есть самое настоящее, неприукрашенное волшебство. Волшебство не «потому что», а «несмотря на». Несмотря на то, что они такие разные: щит и меч, созерцатель и реформатор. Несмотря на то, что мир большой и непонятный. Волшебство в том, что против всего этого большого мира теперь есть не «я», а «мы». Пусть даже это «мы» пока только вдвоём противостоит безлюдному утру и скуке грядущего дня.

Их история – «Книга забытых встреч», потому что сам момент этой встречи, этой первой утренней вахты, будет стёрт из памяти конкретными датами и событиями. Но он навсегда останется в фундаменте. Это «Хроники», потому что они уже, сами того не ведая, начали вести летопись. Летопись, где единица измерения – не год и не месяц, а предрассветный час. Глава первая – это история о том, как волшебство входит в мир не через парадную дверь с фанфарами, а через боковую, в семь утра, с щелчком одинокого выключателя. И как двое Хранительниц пространства тишины, не обменявшись ни словом, становятся соавторами самого главного сюжета на свете – сюжета о том, что ты больше никогда не будешь одинок в синеве утра, потому что где-то там, за поворотом коридора, уже слышны твои шаги. Топ-топ-топ.

Глава 2. В которой обсуждается теория взаимного невмешательства

Характеры их, как выяснилось, были созданы двумя разными, но явно поссорившимися волшебниками. Жоржетта была воплощенной Правдой-с-большой-буквы. Если воспитательница несправедливо отбирала машинку у Вовы или Антона, Жоржетта вставала, как скала, и произносила: «Вера Петровна, это нечестно!». Голос её звенел, как сталь. Мир вокруг замирал.

Августюша же в такие моменты практиковала искусство «Намасте». (Её мама практиковала йогу для тела и души, щедро делясь приобретенным опытом со своим окружением.) Так для Августюши смысл слова «намасте» означал не просто: **«Божественное во мне приветствует и соединяется с божественным в тебе»**. В прямом и переносном смысле. Она мысленно складывала ладони, слегка наклоняла голову и... находила компромисс. «Намасте» – это был баланс, гармония мироздания. Нарушение коей для Августы было, как пластиком по стеклу, очень неприятное чувство.

«А давайте», – предлагала она тихо, – «Вова поиграет пять минут, а потом даст Антону?» Спор гасился, как костёр ведром манной каши. Жоржетта фыркала, но внутренне признавала: «...м-м-м, подход имеет право на существование. Главное-то, правда восторжествовала!»

Многие спотыкаются о камни, многие раскидывают камни, или собирают камни, а эти две девочки создавали, буквально творили свою Вселенную дружбы их двух родственных душ из камня, но не простого камня, а зачарованного.

Так, начнём повествование истории зачарованного камня...

Снег в том году, помнила потом Августюша, был особенным. Не пушистым и новогодним, а плотным, слежавшимся, как сахарная вата, оставленная под дождём. Он уже перестал быть украшением и стал средой обитания, материалом для лепки, полем боя. И именно в этом снегу, у самого забора детсада, где сугробы подпирали штакетник, случилось Великое открытие.

Это было после тихого часа, в тот сонный, разморенный промежуток, когда воспитательницы пили чай в раздевалке, а дети, ещё не до конца проснувшись, копошились в игровой. Жоржетта, конечно же, не копошилась. Она «вела разведку». Засунув руки в карманы красного пуховика (она ненавидела синий комбинезон и выпросила у мамы эту «взрослую» куртку), она методично прочёсывала периметр двора, выискивая «аномалии». Августюша шла следом, как тень, но тень внимательная и мыслящая.

– Стой! – Жоржетта замерла у забора, как охотничья собака.

– Смотри. – она указала пальцем в перчатке без пальцев (ещё один предмет её гордости) на странный выступ в сугробе.

Это было что-то тёмное, не похожее на ветку или камень. Августюша наклонилась. Вместе они, сгребая снег варежками, откопали его. Это был не просто камень. Это была Целая Вселенная в миниатюре.

Примерно с кулак Жоржетты, он был плоским и гладким, отполированным по-видимому тысячами лет, проведёнными бог его знает где – может, в леднике, а может, в русле древней реки. Но волшебство было в его окрасе. Он был тёмно-серым, почти чёрным, но при повороте на нём вспыхивали прожилки – тонкие, как паутинки, золотисто-медные нити. Они искрились в косом зимнем солнце, словно внутри камня текли крошечные реки расплавленного жёлтого металла.

– Сокровище, – без тени сомнения изрекла Августюша.

– Настоящее. В нём спит дракон. Или течёт золотая кровь Дракона. – отметила Жоржетта, подняв камень, который занял в её руке почётное место, как скипетр.

Августюша молча кивнула, полностью соглашаясь. Однако, она-то видела вовсе не дракона, а карту. Её мысли в тот момент: «Эти золотые прожилки – дороги в неведомые страны, нанесённые самой природой! Определенно сокровище!» Камень был холодным, но отдавал в ладонь странное, глухое тепло, будто в нём действительно бился медленный пульс.

– Его нужно спрятать, – тут же приняла стратегическое решение Жоржетта.

– От врагов. – добавила Августюша.

Враги, как по волшебству, материализовались тут же. Из-за угла сарая, где хранились лопаты и санки, выкатилась ватага мальчишек во главе с Антошкой. Антошка был глыбой. Невысоким, но плотным, как бульдозер. Его щёки всегда горели пунцовым румянцем, а в маленьких глазах светился неуёмный дух противоречия и желание всё потрогать, покрутить, а лучше – сломать.

– О-ооо! Девчонки что-то нашли! – гаркнул он, и вся его орда – Сашка, Витька и вечно сопливый Егорка – ринулась вслед.

– Ничего мы вам не покажем, – отрезала Жоржетта, зажав камень за спиной. Она выставила вперёд подбородок. Этот подбородок мог бы разрезать сталь.

– А мы сами возьмём! – Антошка сделал вид, что бросается вперёд. Это был его коронный приём – проверка на прочность.

Августюша, не сказав ни слова, сделала маленький, но чёткий шаг вперёд, встав плечом к плечу с Жоржеттой (или Жужей – так ласково звала её мама, ну и Августюша тоже). Жужа вполне проворно и умело могла: и кричать, и драться. Но она решила для начала просто смело выстоять, в решительной позе. Её молчаливое, неподвижное присутствие было почти физическим барьером.

– Это наш камень! – сказала Жоржетта ледяным тоном, который она переняла у самой строгой воспитательницы Людмилы Семёновны.

– В нём живут духи. Кто тронет – того они ночью заберут. – добавила также строго Августюша.

Мальчишки замешкались. Витька, суеверный, отступил на шаг. Но Антошка лишь фыркнул:

– Духи?! Выдумали! Камень как камень. Дайте посмотреть!

В его голосе послышалась уже не просто шалость, а азарт. Это была не просьба, а ультиматум. И в этот момент, под взглядом Антошкиных глаз-бусинок, камень в руке Жужи внезапно стал не просто сокровищем, а Знаменем. Символом. Границей, которую нельзя переступить.

Жоржетта резко развернулась к Августе.

– План «Укрытие»! – выдохнула она.

Они отработали это, не сговариваясь. Жоржетта, прижимая камень к животу, рванула прочь от забора, к главному сооружению двора – огромной, в два этажа, горке-крепости из покрашенных в синий цвет брёвен. Августюша же, вместо того чтобы бежать следом, сделала неожиданный манёвр. Она спокойно, почти небрежно, нагнулась, схватила пригоршню снега, слепила небрежный комок и, не целясь, швырнула его не в Антошку, а в сугроб рядом с Сашкой.

Шлёп! Негромко, но достаточно. Внезапность и совсем не агрессивность жеста озадачила преследователей. На долю секунды они застыли, пытаясь понять, это вызов или просто девичья глупость. Этой доли секунды хватило.

– За ней! – рывкнул Антошка, но уже без прежней уверенности. Его внимание раскололось.

Августюша, ловко петляя между голыми кустами сирени, повела мальчишек в сторону от горки. Она не бежала быстро, она маневрировала, заставляя их вязнуть в глубоком снегу у забора. Жоржетта тем временем взбежала по скрипящим ступенькам на верхнюю площадку крепости. Когда Августюша, сделав круг, подлетела к основанию горки, Жоржетта уже ждала её, высунувшись из «бойницы» – дырки между брёвнами.

– Лови! – прошептала Жужа, и тёплый от её руки камень описал в воздухе короткую дугу.

Августюша поймала его на лету, чувствуя, как золотые прожилки впиваются в кожу ладони сквозь варежку. В тот же миг она юркнула в тёмный люк под горкой – в её «нижнюю цитадель», куда мальчишки из-за тесноты и паутины лезть боялись.

Она сидела там, в сухом, пахнущем старым деревом и снежной пылью полумраке, прижав волшебный камень к груди, и слышала, как над головой топчут сапоги Антошки и раздаётся торжествующий голос Жоржетты сверху:

– Ищите-свищите! Нету вашего камня! Улетел, наверное!

Антошка что-то бубнил про «дурочек» и «игры в прятки», но пыл его уже угас. Охота превратилась в бестолковое блуждание. Через несколько минут они, обругав «все эти ваши девчачьи штуки», побрели копать тоннель у противоположного забора.

Когда двор стих, Августюша выползла из укрытия. Жоржетта спустилась к ней по скользкому спуску горки, съехав на животе. Они молча сели на замёрзшее бревно, и Жужа торжественно протянула руку. Августюша положила камень ей на ладонь.

– Он наш общий, – заявила Жоржетта, глядя прямо на Августюшу. Не в камень, а на неё.

– На двоих. Мы его нашли вместе. Мы его спасли вместе. Он – наш талисман – один на двоих. – Августюша добавила.

Далее слова были излишни. Они обменялись взглядом, в котором читалось всё: и трепет открытия, и азарт погони, и холодная решимость в момент опасности, и теперь – это тёплое, обволакивающее чувство общей тайны.

Камень, тот самый, с золотыми жилами, они спрятали в тайник – в дупло старой липы у дальнего забора, залепив вход комом снега. Теперь у них было не просто молчаливое соучастие на стульчиках у окна. У них было Их общее дело. Тайна! И общий враг – любой, кто вне их тайны.

Вечная, как им тогда казалось, война с Антошкой была официально объявлена. Но это была не война из-за территории или обид. Это была война Миров. Мира, в котором камень может быть сокровищем с дремлющим драконом или древней картой миров, и мира, в котором камень – это просто камень, который можно отнять, потому что ты сильнее.

И они, две девочки в красном пуховике и черной дублёнке, сидели на бревне, сторожа свой тайник, и чувствовали себя бесконечно богатыми и непобедимыми. У них был камень с золотыми реками. А это, как понимали они тогда на каком-то глубинном, детском, но абсолютно верном уровне, уже была целая Вселенная. И её границы они будут защищать вместе.

Так, проявились очертания магических границ...

Если волшебство зарева их дружбы было тихим, как щелчок выключателя в пустом коридоре, то волшебство Вселенной ВМЕСТЕ – это громкий, отчётливый звук камня, брошенного в сугроб. Не для того чтобы попасть, а, чтобы обозначить границу. Мир Вселенной «Хроник Августы и Жоржетты» не только слегка магический и уютный; но также и обладающий строгими законами территории, которые устанавливаются не взрослыми с линейками и правилами, а двумя трёхлетками с камешками и снежными комками.

Магия «Вселенной ВМЕСТЕ» проявляется как **зачарованное вещество**. Камень с золотистыми прожилками – это не просто минерал, это «целая Вселенная в миниатюре», где «текут крошечные реки расплавленного металла». Его ценность не в материальной стоимости (он не золотой сам по себе), но в **символической плотности**. Для Жоржетты он – дракон, для Августы – карта неведомых стран. Это объект, который становится магнитом для смыслов, и эти смыслы сразу же разделяют мир на два лагеря: тех, кто видит в камне волшебство (и, следовательно, обязан его защищать), и тех, кто видит просто «камень как камень» (и, следовательно, стремится его захватить просто потому, что можно, просто потому, что вероятно сильнее).

Уют их «Вселенной ВМЕСТЕ» здесь принимает форму **тайника**. Это не просто укромное место; это «нижняя цитадель» под горкой, дупло старой липы, залепленное комом снега. Уют становится активным, оборонительным. Это пространство, которое они создают вместе, куда можно спрятать не только физический объект, но и саму свою совместную идентичность. Их союз перестаёт быть просто молчаливым созерцанием утреннего окна; теперь он имеет материальное подтверждение – талисман, который является «их общим» и который они «спасли». Уют их волшебства Вселенной ВМЕСТЕ теперь – это крепость, построенная из доверия и совместного действия.

Чудная дивность их мира на двоих здесь проявляется в **детской дипломатии и стратегии**. Жоржетта использует «ледяной тон» воспитательницы для создания мистической угрозы, которая быстро подхватывает Августюша, добавляя: «в нём живут духи». Августа применяет искусство «Намастэ» в форме неожиданного, почти абсурдного манёвра – снежный комок, брошенный не в противника, а рядом, чтобы вызвать замешательство. Их план «Укрытие» не требует долгих совещаний; он возникает мгновенно, как интуитивное разделение ролей: Жоржетта как хранитель и диверсант (с криками из «бойницы»), Августа как отвлекающий маневр и конечный «приниматель» талисмана. Это чудная дивность их мира как **практическая изобретательность**, где сказочные элементы («драконы», «духи») смешиваются с очень конкретной детской логикой защиты своего пространства.

И именно здесь дружба как «самое настоящее волшебство» раскрывается как **создание общего мира против внешнего мира**. Антошка и его ватага/орда представляют не просто индивидуального врага, но **принцип**: мир, где вещи имеют только физическую ценность и где

сила определяет право владения. Августюша и Жоржетта создают альтернативный мир, где ценность определяется смыслом, совместным обнаружением и защитой. Их война с Антошкой – это не в коем случае не конфликт личностей, но конфликт мировоззрений. Они защищают не просто камень, но целую вселенную смыслов, которую они вместе построили вокруг него.

Таким образом, волшебство Вселенной ВМЕСТЕ – это волшебство **границ и совместного владения**. Дружба здесь становится активным, созидательным актом: они не просто «находятся рядом», они вместе **делают что-то**, вместе **защищают что-то**, вместе **владеют чем-то** (тайником, талисманом, секретом – своей вселенной смыслов). Это превращает их из союзников в **создателей**. Их вселенная теперь имеет не только атмосферу (утреннюю тишину), но и географию (тайник), законы (защита смысла против силы) и даже финансы – экономику существования в пространстве (общее владение драгоценностью).

И в конце этой чудно дивной истории, сидя на замёрзшем бревне, они чувствуют себя «бесконечно богатыми и непобедимыми». Их богатство – не в камне сам по себе, но в этой новой, совместно созданной Вселенной ВМЕСТЕ, где камень является лишь центром, символом, смыслом смыслов. Волшебство заключается в том, что они теперь не просто два человека, но мир Вселенной ВМЕСТЕ со своими правилами, ценностями и территорией. И эта территория, пусть всего лишь дупло в липе, для них огромна и абсолютна – потому что она принадлежит им обоим, и они готовы защищать её границы вместе.

Глава 3. В которой изобретается система координат без широты и долготы, но с обязательным печеньем

Война с Антошкой была войной Миров, но у каждой войны должна быть карта. Не для того чтобы найти врага — он сам всегда найдёт. Карта нужна чтобы знать, где прятать свои сокровища (смыслы смыслов) и где можно просто быть – быть в своём мире со своим человеком, который всё понимает и без слов.

Была у них ещё и карта! Не на бумаге – бумага рвётся, мокнет и ещё её ведь могут отнять?! Их карта была – **картой**, нанесённой на асфальт, порой и на грунт двора, называемой почвой, силой воображения и цветными мелками, которые Жоржетта «позаимствовала» из коробки для занятий по рисованию. Не украла, нет. Она оставила взамен свой старый, но абсолютно целый синий карандаш – акт честного, по её мнению, взаимно-выгодного обмена.

Эта карта возникла после Великого метеоритного дождя, который случился в прошлую среду. Метеоритами были шарики от подшипника, которые Витька просыпал, таская в кармане отцовскую разобранную дрель. Они, звеня, рассыпались по асфальту возле песочницы. Для Антошки это было «железко», для Витьки – катастрофа и будущий отцовский ремень. Для Жужи и Августюши – **звёздное небо, упавшее на землю**.

– Каждый шарик – это планета, – начертила Жоржетта вокруг одного из них окружность мелом цвета «сирень».

– А вот тут, видишь, круглая крышка люка? Это Сатурн. Только в миниатюре, молодой, пока ещё без колец. – сказала Августа, присев на корточки, проведя от «планеты» волнистую линию к луже, оставшейся после полива клумбы.

– А это река Времени. Она течёт из прошлого (лужа) в будущее (сток канализации). – добавила Августюша.

– Гениально! – констатировала Жоржетта.

– Значит, здесь, у качелей – Чёрная Дыра. Туда всё проваливается и не возвращается. Как Антошкина совесть. – прыснула от смеха Августюша.

Так родилась карта. «Холм синей горки» (спуск с лестницы), «Болото печали» (вечно мокрая после дождя лужа у ворот), «Лес шепчущих кустов» (заросли смородины у забора). Но самым важным местом стала **«Поляна согласия»**. Это была небольшая ровная площадка

между двумя липами, куда почти не долетали крики с футбольного поля и где земля была усыпана мягкими, но ещё упругими, старыми упавшими на землю листьями.

Философия «Поляны согласия» была проста, как глоток компота из сухофруктов. Сюда нельзя было приходить ссориться. Это было нейтральное, вне боевых действий пространство их вселенной **ВМЕСТЕ**. Правило было одно, сформулированное Августушой: «Здесь мы не «правы» и не «неправы». Здесь мы **договариваемся**».

Однажды предметом спора стал найденный ими «артефакт» – битая фарфоровая чашка с голубым клеймом, вероятно, выброшенная кем-то из окон. Августуша настаивала, что это «чаша Грааля, из которой пили древние короли». Жоржетта видела в ней «гнездо для солнечного зайчика, чтобы ему было где спать». Спор мог зайти в тупик, но они, по молчаливому уговору, отнесли чашу на «Поляну согласия». Сели на листья, положили находку между собой.

– Ладно, – вздохнула Жоржетта.

– Пусть это будет Чаша Грааля, которую украл солнечный зайчик, чтобы хранить в ней свои лучи. – продолжила грустно она.

– А короли эти лучи пили, – кивнула Августуша, и исцелялись.

– И становились добрыми. Отсюда и пошла традиция пить чай на свету. – добавила Жужа.

Консенсус был достигнут. Чаша стала одновременно и священным артефактом, и уютным домиком. Её поместили в дупло к Камню, для компании.

Философия их пространства Вселенной **ВМЕСТЕ** такова: волшебство дружбы – это не только создание общих тайн, но и **создание общих правил и нейтральных пространств для их обсуждения**. Они интуитивно открыли принцип дипломатии, известной давно всем взрослым и некоторым детям: чтобы сохранить союз, нужна территория, где отключаются амбиции и включается воображение, фантазия (договор – слово для взрослых), способная вместить обе точки зрения. Их карта была не столько игрой, сколько **Конституцией их маленького мира на двоих**, где были опасные «чёрные дыры» и уютные «поляны». Дружба – это умение нарисовать мелом такие условные границы, внутри которых возможен любой, самый невероятный компромисс.

Эта карта не помогала находить. Она помогала ждать. И понимать, что самые важные точки в любой вселенной — это точки, где можно просто быть вместе, договариваться и вдыхать воздух, густой как кисель, в ожидании следующего волшебного события, которое обязательно произойдет, потому что они его уже нарисовали мелом цвета «сирень».

Глава 4. В которой звук тишины обретает вкус малинового варенья

Война с Антошкиной ордой приняла форму **холодную**, полную шпионажа и диверсий. Но самой изощрённой её операцией стала «Великая блокада секретного хода».

Секретный ход – это был лаз под прогнившей доской забора в дальнем углу сада, ведущий в заброшенный школьный соседский палисадник, заросший диким крыжовником. Для мальчишек это был путь для набегов за «трофеями» (недозрелыми ягодами). Для девочек – «Врата в иномирье», где, по утверждению Жоржетты, жили духи запущенных садов, похожие на мохнатых светлячков.

Антошка, чтобы досадить, решил «заминировать» подход к лазу, натаскав туда колючих веток и старого железа. Это было объявлением тотальной войны. Но Жоржетта и Августа ответили не силой, а **стратегией непрямого действия**, позаимствованной у самой природы.

Они объявили, барабанная дробь: «**Тихий час для территории!**». Вся их деятельность в зоне конфликта прекратилась. Они перестали даже смотреть в ту сторону. Вместо этого они развернули кампанию по освоению новой, доселе неинтересной локации – старой скамейки возле котельной детсада. Скамейка была ржавой, но зато с неё открывался вид на окно кухни детсада.

Именно там, на этой скамейке, они открыли феномен «**Звнящей тишины**». Это случилось в тот час, когда с кухни начинал доноситься запах свежей выпечки, а воспитатели, предвкушавшие ожидание пищи, притихали. В этот момент общий шум двора – крики, топот, плач – вдруг складывался в единый, мягкий гул, похожий на жужжание огромного доброжелательного шмеля. А потом, на его фоне, проступали отдельные, чистые ноты: стук ножниц в окне методического кабинета, отдалённый звонок троллейбуса, шелест листьев.

Они сидели, не говоря ни слова, и **слушали этот покой**. Августа называла это «купаться в тишине». Жоржетта уточняла: «Нет, это тишина сливается с нами, становясь частью нас. Как компот».

Антошка, лишённый реакции, цели и, главное, зрителей для своего противостояния, очень скоро забросил свои колючие заграждения. Ему стало скучно. «Врата в иномирье» были очищены самой природой – дождём и ветром. Но главной победой девчат был даже не этот тактический успех.

Их главным открытием стало то, что порой самое действенное волшебство – это **намеренное бездействие**. Что можно выиграть войну, просто перестав воевать и сотворив где-то в другом месте такой мощный, насыщенный внутренний мир (мир запахов, звуков и совместного молчаливого созерцания), что вся внешняя суеда и агрессия теряет смысл и силу. Они защитили свой секретный ход, даже не приблизившись к нему. Они защитили его, создав на другом конце двора **зону такого притягательного, вкусного спокойствия**, что сама идея конфликта выцвела и развеялась, как дым из трубы котельной детсада.

Философия данного феномена: дружба – это ещё и общий **слух**. Умение настроиться на одну волну тишины, на низкий гул мира, и услышать в нём гармонию, а не хаос. Это алхимия, превращающая вынужденное перемирие в ценный ритуал, а тактическое отступление и одновременно открытие новой, богатой внутренней территории – пространства тишины на двоих. Иногда, чтобы сохранить одну вселенную, нужно на время забыть о ней и вместе построить другую – из звуков, запахов и терпеливого, сладкого, как малиновое варенье, ожидания.

Глава 5. В которой создается Вселенная «ВМЕСТЕ» и возникает Проблема Качелей

Идея пришла неожиданно и сокрушительно, как падение с турника. Но падали с турника обычно поодиночке. А эта идея приземлилась сразу на обеих, что сделало её втрое тяжелее и вдесятеро могущественнее.

— Представь, — сказала Жоржетта, сидя на краю песочницы и рисуя палочкой в песке сложную спираль,

— ...у каждого из нас есть своя Вселенная. У меня — с драконами в камнях и Млечными Путиами на асфальте. У тебя — с реками Времени и гнездами для солнечных зайчиков. Но что, если... — продолжила она.

Она умолкла, вглядываясь в спираль, словно ожидая, что ответ появится из песка сам собой.

— ...если они где-то сталкиваются? — предположила Августюша, дорисовывая к спирали ответвление, похожее на реку.

— Хуже! — воскликнула Жоржетта.

— Что если они НЕ сталкиваются? Что если они просто... существуют рядышком, как два разных компота в графине — вишневый и яблочный? И даже не догадываются друг о друге! — пояснила она.

Мысль была поистине ужасающей. Получалось, что они, такие близкие, на самом деле живут в параллельных мирах, которые лишь иногда, вроде «Поляны согласия», накладываются друг на друга, как два круга на луже. Это была **катастрофа для девчат философского масштаба**.

— Значит, нужна третья вселенная, — вынесла вердикт Августюша с мудростью семилетнего стратега.

— Не твоя и не моя. А наша. Общая. Та, которая строится не «рядом», а именно **ВМЕСТЕ**. — закончила Августюша.

Так родился грандиозный проект под кодовым названием «**Вселенная ВМЕСТЕ**». Её решено было построить на самом динамичном и неосвоенном участке карты — на Старых качелях. Качели были железными, скрипучими, с облупившейся синей краской и цепями, которые больно били по лодыжкам. Но они имели неоспоримое преимущество: движение.

— Твоя вселенная — она как дом, в нём всё на своих местах. Моя — как книга, в ней всё по порядку глав. А вселенная **ВМЕСТЕ** должна быть... как сами качели! — размышляла вслух Августюша, раскачиваясь.

— Почему? — спросила Жоржетта, ловя ритм.

— Потому что тут нельзя быть одному! Один ты просто висишь, как сосулька на ветке. А **ВМЕСТЕ** — ты либо качаешь другого, либо тебя качают. И вы оба — часть одного движения. И летите в одну сторону. Пусть даже потом летите обратно. — решительно закончила Августюша.

Концепция была гениальной. Они начали строить. Фундаментом («нижним миром») стал песок под качелями, где они закопали «капсулу времени» — фантик от «ленькиных» конфет и перо от воробья. Воздушное пространство вокруг цепей («средний мир») населили невидимыми «воздушными китами», которые, по утверждению Жоржетты, питались смехом качающихся и были совершенно безобидны, если не считать их склонности иногда щекотать уши. А вершиной дуги качелей («верхний мир») управлял «Хранитель высоты» — существо, составленное из солнечного зайчика (от Августюши) и отважного дракончика (от Жоржетты), которое следило, чтобы никто не улетел слишком далеко и не потерялся.

Казалось, идеальная симбиотическая вселенная готова. Но любая сложная система имеет свои сбои. И их звали Антошка и Витька.

Мальчишки, увидев, что девочки не просто качаются, а с сосредоточенными лицами что-то шепчут воздушным китам, решили, что это новая, усовершенствованная форма игры, которую нужно срочно захватить и: либо присвоить, либо разрушить. Их тактика была простой и варварской: вбежать на площадку и устроить «качельный шторм» — раскачаться так, чтобы железные опоры ходили ходуном и гремели, как паровоз.

Первая же такая атака обрушила «верхний мир». Хранитель высоты, по сообщению Августюши, в панике свернулся в клубок и укатился в облако. Воздушные киты, напуганные грохотом, разбежались. А капсула времени была затоптана.

— Вы всё сломали! Вы, что не понимаете, что это не просто качели! Это — модель! — словно выстрелила словами Жоржетта, пребывающая в ярости.

— Модель чего? — спросил Витька, заинтересовавшись умным словом.

— Вселенной **ВМЕСТЕ**! — выпалила Жоржетта.

— Где всё держится на том, что один — качает, а другой — летит! А вы просто ломаете!

Наступила тишина. Антошка, который обычно отвечал что-то вроде «а чего тут вашего», притих. Он смотрел то на скрипящие качели, то на разгневанную Жоржетту, то на задумавшегося Витьку.

— И... что, если мы тоже... **ВМЕСТЕ**? — неожиданно спросил Витька, робко глядя на Августю.

— Не ломаем? — добавил он робко.

Это был ключевой момент. Включения. Расширения Вселенной.

Августюша и Жоржетта переглянулись. В их взгляде промелькнул целый диалог: «Они ломают», — «Но они же хотят **ВМЕСТЕ**», — «Это риск», — «А вселенная должна расти», — «Хранитель высоты не согласится», — «А мы создадим нового. Общего».

— Ладно, — сказала Жоржетта, делая вид, что уступает с величайшей неохотой.

— Но по нашим правилам. Вы — сила тяжести и начальный толчок. Мы — пилоты и картографы. И никакого шторма. Плавные взлёты. Потому что Вселенная ВМЕСТЕ — она хрупкая. Как... как паутинка с росой. — сообщила правила Августюша.

И произошло чудо. Антошка, сосредоточенно нахмурившись, стал нежно и ритмично раскачивать Августюшу. Витька, затаив дыхание, толкал качели с Жоржеттой, будто отправлял в полёт хрустальный шар. А девчата, летя вперёд, описывали новым союзникам устройство мира: «Вот сейчас мы пролетаем сквозь стаю воздушных китов, они сегодня сытые!», «Смотри, вон там, на верхней точке — Хранитель. Теперь он не один, у него появился помощник — Ветряный гном (это для тебя, Витька)».

Философия сей истории, выведенная позже на качельной стойке гвоздём (за что потом получили строгий выговор): **Вселенная «ВМЕСТЕ» — это не то, что строится раз и навсегда. Это процесс постоянного договора включения расширения. Она хрупка, как паутинка, и для её сохранения нужно, чтобы «сила тяжести» (те, кто толкает, обеспечивают основу) и «пилоты» (те, кто летит, задают направление и смысл смыслов) научились слышать ритм друг друга. И тогда даже самые отъявленные «разрушители миров» могут превратиться в их «хранителей», если дать им почувствовать себя частью чего-то большего, чем просто грохот железа. Главное — объяснить, что лететь вместе гораздо интереснее, чем просто раскачивать пустые качели.**

А на карте мира появилась новая, самая главная надпись. Не «Холм» и не «Болото». А просто, большими буквами: **«ВМЕСТЕ»**. И стрелочка, ведущая к скрипучим синим качелям, которые теперь были не просто снарядом, а космическим кораблём с экипажем из четырёх человек, двух воздушных китов и одного Ветряного гнома, который очень старался не делать шторма.

Глава 6. В которой закон сохранения бутерброда нарушается, а Вселенная ВМЕСТЕ проходит проверку на прочность

Вселенная ВМЕСТЕ, как и любая уважающая себя вселенная, должна была пройти Кризис. Не внешний, вроде нашествия Антошки, а внутренний — тот, что возникает из самой её сердцевины, из-за нестыковки фундаментальных законов. Их кризис назывался **«Великий бутербродный раскол»**.

Всё началось с благородной идеи Жоржетты устроить **«Пикник на Поляне согласия»**. Пикник — это высшая форма дипломатии и совместного бытия, где еда становится не просто едой, а символом единства. Августа принесла из дома два яблока (зелёное и красное — «для баланса вкусов во вселенной»). Жоржетта — краюху хлеба, «честно выпрошенную» у поварахи тёти Глаши под предлогом «кормления заблудившегося ёжика». А Витька, в порыве энтузиазма, стащил с кухни кусок колбасы, «чтобы было как у взрослых».

Казалось бы, идеальные компоненты для акта совместного творчества. Но именно тут и всплыли противоречия.

— Бутерброд надо делать так! Сначала кладёшь колбасу. Потому что она — основа, фундамент вкуса. Потом хлеб её прижимает, и вкус проникает во все поры! — авторитетно заявила Жоржетта, отламывая кусок хлеба.

— Нет-нет-нет! Сначала на хлеб нужно положить тонкий ломтик яблока. Чтобы хлеб стал чуть влажным и сладким. Это как подготовить почву. А уже потом — колбаса. Так вкусы не спорят, а знакомятся — мягко, но твердо возразила Августюша, разрезая яблоко.

— Вы чего мозги парите? Ломай хлеб, всовывай колбасу в дырку и жуй. Всё! — фыркнул Антошка, присутствовавший в качестве наблюдателя (и потенциального потребителя продукта внутри).

Но для девчат это был не вопрос еды. Это был вопрос **мироустройства**. В их общей вселенной вдруг обнаружили две непримиримые системы взглядов на процесс создания бутер-

брода. Жоржетта отстаивала «принцип силы»: главный вкус — в основе. Августа — «принцип гармонии»: всё должно быть подготовлено. Каждая из этих систем идеально работала в их собственных, отдельных вселенных. Но в общей — они вступили в конфликт.

— Если класть колбасу сверху, яблочный сок её не пропитает! — горячилась Жоржетта.

— Если класть яблоко сверху, оно соскользнет с колбасы, и весь бутерброд развалится! — парировала Августюша.

Витька смотрел на колбасу, и в его глазах читалась простая, животная тоска. Антошка ехидно ухмылялся, предвкушая крах «этих ваших дурацких правил».

Тишина на Поляне согласия была нарушена. Воздух, обычно густой, как кисель, стал разреженным и колючим. Казалось, сама Вселенная ВМЕСТЕ трещит по швам, разделяясь на «лагерь Колбасы-сверху» и «лагерь Яблока-снизу».

И тут вмешалась случайность, или, как позже назвала это Жоржетта, «высшая кулинарная сила». Витька, не выдержав напряжения, потянулся к колбасе. Его локоть толкнул краюху хлеба. Она упала на землю, прямо на подстилку из листьев, **намазанной стороной вниз**.

Наступила гробовая тишина. Все смотрели на бутерброд, совершивший акт самоубийства. Закон сохранения бутерброда был грубо нарушен. Он был больше несъедобен.

Но в этот момент произошло странное. Вместо того чтобы расстроиться или обвинить Витьку, Августа вдруг рассмеялась. Тихим, звонким смехом, похожим на падение стеклянных шариков.

— Смотри, — сказала она, указывая на прилипшие к хлебу листья и травинки.

— Он теперь не просто бутерброд. Он — **планета**. Листья — это леса. А эти чёрные точки (она ткнула в прилипшие семена клёна) — города. — сквозь смех пыталась рассказать она всех причастным.

Жоржетта замерла, разглядывая «планету». Гнев испарился, уступив место научному интересу.

— А колбаса и яблоко... они теперь — ядро планеты. Вместе. Ни сверху, ни снизу. Внутри! Они греют её изнутри, как расплавленное железо! — высказалась гордо Жоржетта.

— Ну вот. Спорили, как лучше съесть. А оно само — в землю. Значит, не судьба было его делить. Значит, судьба была — сделать из него планету. — сформулировал Антошка, к всеобщему изумлению, самым простым и гениальным образом, указав на магию их кризиса и момента его разрешения.

Вселенная ВМЕСТЕ прошла проверку на прочность. Она не развалилась из-за разного подхода к бутерброду. Она **эволюционировала**, найдя третий, неожиданный путь, который не предусматривал ни одна из первоначальных теорий. Главный урок был в том, что совместная вселенная — это не всегда про идеальное совпадение взглядов. Иногда это — про умение вместе увидеть что-то новое в общей катастрофе.

— Значит, правило такое! Если во Вселенной ВМЕСТЕ что-то идёт не по плану и даже падает на землю — это не конец. Это начало новой геологической эпохи! — подвела итог Жоржетта, аккуратно помещая «планету Бутерброд» в дупло к Камню, рядом с Чашей Грааля и спящим драконом.

А Витька, всё же получивший свою долю (тётю Глашу разжалобили рассказом о «погибшем, но ставшем планетой ёжике»), принёс новую краюху. На этот раз бутерброды делали молча, каждый по-своему. И ели — тоже, молча и каждый по-своему. Но теперь это не имело значения. Потому что они уже знали: даже если всё упадёт намазанной стороной вниз, из этого можно будет создать новую планету. Лишь бы были те, кто сможет увидеть в прилипших листьях — леса, а в семенах клёна — города.

Магия момента: Истинная прочность Вселенной ВМЕСТЕ проверяется не в моменты внешней угрозы, а в моменты **внутренних противоречий**. Когда сталкиваются два «правильных» пути, угроза распада максимальна. Спасение — не в победе одной идеи над другой, а в

нахождении **«третьего измерения»** — новой, неожиданной точки зрения, которая превращает конфликт в совместное открытие. Иногда для этого нужно, чтобы что-то упало. И чтобы рядом был кто-то, кто скажет: «Смотри, это же планета!»

Глава 7. В которой любовь прорастает сквозь трещины в асфальте, а дружба становится навигатором

После бутербродного катаклизма Вселенная **ВМЕСТЕ** обрела новое качество — **пластичность**. Она научилась не ломаться, а трансформироваться, как пластилин, упавший в траву и собравший на себя травинки и песчинки, став чем-то большим, чем просто кусок. Но впереди ждал самый сложный тест, связанный не с едой или территорией, а с чем-то неосознанным. С чувством.

Это случилось в дождливый вторник, когда двор опустел, превратившись в царство луж, серого неба и тоскливого запаха мокрой резины от калош. Жоржетта пришла в сад с каменным лицом и глазами, в которых бушевала целая буря, но не драконья, а какая-то серая и колючая, как промокшая верба. Её «драконы» куда-то спрятались, «Черные дыры», «Сатурн» на асфальте смыло дождём.

Она молча села на скамейку у котельной, даже не обратив внимания на теоретический запах ватрушек (сегодня пахло мокрой овсянкой). Августюша, чувствуя бурю, подошла и села рядом, не задавая вопросов. Она просто стала наблюдать за каплей, ползущей по ржавой трубе. Это была её река Времени в миниатюре.

— Мама с папой снова... говорили на повышенных тонах, — наконец выдавила Жоржетта, глядя в лужу под ногами. Она произнесла это странным, официальным словосочетанием, будто списывала его со взрослого формуляра.

— Папа сказал, что уезжает в командировку. Надолго. Мама сказала, что дверь в спальню лучше закрыть, ведь она давно уже скрипит, а починить её некому. — грустно добавила Жужа.

В её голосе не было слёз. Была пустота. Та самая, которая образуется, когда из привычного мира внезапно вынимают что-то важное, как карточный домик лишается нижней карты, но ещё держится, замирая в неестественной позе.

Августюша молчала. Она не знала таких слов, как «семейный кризис» или «отчуждение». Она знала слова «скрипучая дверь», «одинокая командировка» и «пустота в животе, даже если он полный». И она понимала главное: привычный мир её друга дал трещину. И эта трещина была не в заборе, не в качелях, а в самом фундаменте, откуда нет ни секретных ходов, ни воздушных китов.

В этот момент Жоржетта спросила вопрос, от которого содрогнулся бы любой взрослый философ: «Августа, а **любовь** — она куда девается, когда дверь скрипит? Она выходит в эту щель и утекает? Или она застревает где-то посередине, и её потом не достать?»

Августа долго смотрела на свою каплю. Она почти доползла до конца трубы.

— Не утекает, она... — сказала она наконец, очень тихо, но чётко.

— Она... она как вода. В реке. Если на пути плотина — она ищет обход. Трещину в камне. Корни дерева. Она просачивается. Ты же знаешь — даже через асфальт трава пробивается. Это любовь земли к солнцу.

Она взяла Жоржетту за руку и повела её через весь мокрый двор, минуя Поляну согласия и Вселенную, где были качели Вселенной **ВМЕСТЕ**, к самому неприглядному его уголку — к глухой бетонной стене котельной, которую все обходили стороной.

— Смотри, — сказала Августюша и указала вниз.

У самого основания стены, в узкой трещине между бетоном и асфальтом, куда не попадал почти никакой свет, рос маленький, хрупкий, но упрямый кустик **подорожника**. Два зелёных листа, мокрые от дождя, держались из последних сил. А между ними торчал тонкий стреловидный стебелёк с крошечной, ещё не раскрывшейся шишечкой цветка.

— Видишь? — прошептала Августа.

— Здесь темно, холодно и неудобно. Сюда даже дождь попадает с брызгами. Но он растёт. Потому что ему нужно расти. Это его любовь... к жизни. И жизнь его любит, жизнь и дала ему эту щель. — шептала Августюша.

Жоржетта присела на корточки, рассматривая подорожник. Её буря в глазах понемногу сменялась изумлением.

— И... наша дружба? Она так же? — удивленно промолвила Жужа.

— Наша дружба — это не щель. Это... **мостик**. Между твоей вселенной и моей. По нему всё и перетекает. И твоя любовь к твоим маме и папе — она никуда не делась. Она просто... ищет теперь новые пути. Как вода. А мы с тобой будем для неё... как этот подорожник. Местом, где можно держаться. Пока не найдёт новое русло! — сказала Августюша, садясь рядом на мокрый асфальт, не обращая на это внимания.

Они просидели так долго, не боясь промокнуть, наблюдая, как дождь отшумел, и туча проползла дальше. Из-за неё выглянул луч солнца. Он не смог прогреть весь двор, но сумел **точно попасть**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.